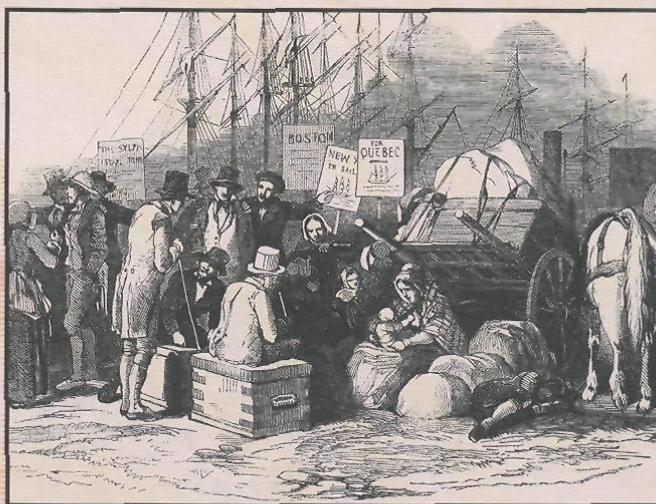

Йозеф Шумпетер

Десять великих ЭКОНОМИСТОВ

от Маркса до Кейнса

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Joseph A. Schumpeter
Ten Great Economists
From Marx to Keynes
New York
Oxford University Press 1951

Йозеф Шумпетер. Десять великих экономистов. От Маркса до Кейнса
*Перевод с английского Натальи Автономовой
при участии Ирины Осадчей и Натальи Розинской
под научной редакцией Владимира Автономова*
Издательство
Института Гайдара
Москва / 2011

\004\
УДК 330.101.5 ББК 65.011-Я Ш96

Перевод гл. 2-7,10, прилож. 1-3 выполнен *Н. Автономовой*; гл. 8-9 — *Н.Роттской*; гл. 1 — *И.Осадчей*,

Шумпетер, И. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса [Текст] / пер. с англ. Н.В. Автономовой, И. М.Осадчей, Н.А. Розинской; под науч. ред. В.С. Автономова. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.—416с.

ISBN 978-5-93255-302-2.

Настоящее издание представляет собой сборник работ выдающегося экономиста Йозефа Шумпетера (1883-1950), которые были отобраны для публикации самим автором, но увидели свет в виде книги только после его смерти. Каждый из вошедших в книгу биографически-теоретических очерков посвящен жизни и трудам классиков экономической науки, работавших во второй половине XIX—первой половине XX столетия, с большинством из которых Шумпетер был знаком лично.

Книга представляет интерес не только для специалистов по истории экономической мысли, но и для широкого круга читателей.

© Издательство Института Гайдара, 2011

\005\

Содержание

<i>Элизабет Шумпетер.</i> Введение	007
Глава 1. Карл Маркс (1818-1883)	017
Глава 2. Мари Эспри Леон Вальрас (1834-1910)	117
Глава 3. Карл Менгер (1840-1921)	125
Глава 4. Альфред Маршалл (1842-1924)	138
Глава 5. Вильфредо Парето (1848-1923)	162
Глава 6. Ойген фон Бем-Баверк (1851-1914)	206
Глава 7. Фрэнк Уильям Тауссиг (1859-1940)	265
Глава 8. Ирвинг Фишер (1867-1947)	306
Глава 9. Уэсли Клэр Митчелл (1874-1948)	328
Глава 10. Джон Мейнард Кейнс (1883-1946)	355
Приложение 1. Георг Фридрих Кнапп (1842-1926)	401
Приложение 2. Фридрих фон Визер (1851-1926)	405
Приложение 3. Ладислав фон Борткевич (1868-1931)	410

\007\

Введение

Эти эссе были написаны в течение сорока лет, с 1910 по 1950 год, три самых ранних — о Вальрасе, Бём-Баверке и Менгере — на немецком, а остальные — на английском языке. Не считая эссе о Марксе, они были написаны для разных экономических журналов либо по поводу смерти их героев, либо в честь знаменательной даты, как в случае пятидесятилетия «Принципов» Маршалла или столетия со дня рождения Парето. Из-за того, что они писались в спешке и по особым поводам, Шумпетер не считал эти эссе достойными издания в виде отдельной книги. Но его постоянно о них спрашивали, поскольку журналы, в которых они были когда-то напечатаны, трудно было достать, и за несколько месяцев до своей смерти в январе 1950 года он наконец согласился, чтобы издательство *Oxford University Press* выпустило их отдельным сборником.

Десять основных эссе для книги Шумпетер выбрал сам, с одним лишь исключением — эссе о Карле Марксе. Он планировал вместо него включить в книгу статью «Манифест коммунистической партии в социологии и экономической науке», написанную им для *Journal of Political Economy* за июнь 1949 года, чтобы несколько запоздало отметить столетие со дня выхода «Манифеста коммунистической партии». Вместо этой статьи в сборник вошла первая часть книги «Капитализм, социализм и демократия», потому что в ней подробней рас-

\008\

сказывалось о Марксе как о пророке, социологе, экономисте и учителе. Я в большом долгу перед Кэссом Кэнфилдом и издательством *Harper & Brothers* за их великодушное разрешение включить это эссе в книгу «Десять великих экономистов». Кроме того, я хочу воспользоваться возможностью поблагодарить редакторов и издателей журналов *Quarterly Journal of Economics*, *American Economic Review*, *Economic Journal* и *Econometrica* за разрешение использовать в книге статьи, изначально опубликованные в этих журналах; журнала *Zeitschrift für Volkswirtschaft* больше не существует.

Три коротких эссе, приведенные в приложении (о Кнаппе, Визере и Борткевиче), были включены в книгу по предложению профессора Готтфрида Хаберлера, который считал, что они должны быть переизданы и что лучше всего будет включить их в сборник вместе с другими биографическими эссе Шумпетера. Все три эссе из приложения были написаны для журнала *Economic Journal*, в котором Шумпетер был австрийским корреспондентом с 1920 по 1926 год и немецким с 1927 по 1932 год, пока не уехал из Боннского университета в Гарвард.

Автора и героев его эссе связывали тесные отношения. Он не только восхищался их работой, но и был, с одним лишь исключением, знаком с каждым из них*, а с некоторыми его связывала теплая дружба. Исключением является опять же Карл Маркс, умерший в 1883 году, в котором родились Шумпетер и Кейнс, самый молодой из десяти экономистов в этой книге. С Марксом Шумпетера связывало только одно—общее понимание экономического процесса. В своей «Теории экономического развития» Шумпетер пытается изложить «чисто

---

* Это касается только героев десяти основных эссе. Из трех героев приложения он хорошо знал Визера и, вероятно, был знаком и с Кнаппом, и с Борткевичем.

\009\

экономическую теорию экономического развития, которая не полагается на то, чтобы внешние факторы передвигали экономическую систему из одного состояния равновесия в другое». В предисловии к изданию этой книги на японском языке он пишет: "Мне было вначале неясно то, что читателю, возможно, сразу будет очевидно, а именно то, что эта идея и эта цель [самого Шумпетера] в точности совпадают с идеей и целью, лежавшими в основе экономического учения Карла Маркса. В сущности, от предшественников и экономистов его времени его отличало именно виденье экономической эволюции как отдельного процесса, генерируемого самой экономической системой. Во всех остальных отношениях он лишь использовал и адаптировал понятия и предположения Рикардовой экономической теории, но понятие экономической эволюции, которое он поместил в несущественное гегельянское окружение, принадлежит только ему. Возможно, именно благодаря этому факту одно поколение экономистов за другим возвращается к его системе, хотя многое в ней они и находят достойным критики». В «Истории экономического анализа» мы снова читаем: «В его общей научной схеме развитие не было тем, чем оно являлось у других экономистов того периода, т. е. приложением к экономической статике,—оно служило центральной темой. И он сосредоточил свою аналитическую мощь на задаче, заключающейся в том, чтобы показать, как экономический процесс, изменяющийся в силу собственной внутренней логики, непрестанно изменяет социальную структуру и общество в целом». У них было общее видение, но привело оно их к очень разным результатам: Маркса оно привело к осуждению капитализма, а Шумпетера сделало его рьяным защитником.

Для Шумпетера прогресс экономической теории как науки зависел от виденья и методов. Так же как

\010\

он восхищался Марксовым виденьем экономического процесса, он восхищался Вальрасовой чистой теорией. В «Истории экономического анализа» он пишет о Вальрасе, с которым встречался лишь раз; "экономическая наука подобна большому омнибусу, наполненному множеством пассажиров с несоизмеримыми интересами и способностями. Однако в том, что касается чистой теории, по моему мнению, величайшим из всех экономистов является Вальрас. Его теория экономического равновесия объединяет в себе „революционную" креативность и классический синтез, это единственная работа из написанных экономистами, которая заслуживает сопоставления с достижениями теоретической физики».

Маркс и Вальрас находились на разных полюсах науки: один пытался логическим путем объяснить изменения экономической системы, а второй дал нам «теоретический аппарат, который впервые в истории нашей науки эффективно охватывал чистую логику взаимозависимости экономических величин».

Для Шумпетера было очень характерно* то, что он восхищался историей и чистой теорией, эконометрикой и компиляциями фактических материалов, социологией и статистикой, и все эти области науки находил полезными; широта его интересов отражена в десяти эссе, вошедших в эту книгу.

Он познакомился с Менгером, Бём-Баверком и Визером в студенческие годы в Венском университете. Меигер, который вместе со своими двумя уче-

---

* Хаберлер однажды написал в журнале *Quarterly Journal of Economics* (август 195»), что были ученые, превосходившие Шумпетера в отдельных областях науки. «Но как знаток всех ветвей экономической науки и ученый-универсалист Шумпетер занимал уникальное положение среди своих современников».

\011\

никами, Бём-Баверком и Визером, может считаться основателем австрийской, или венской, школы экономической мысли, уже не занимался преподаванием, и Шумпетер встречался с ним лишь раз или два. Но автор этих эссе был активным участником семинаров Визера и Бём-Баверка с 1904 по 1906 год; впоследствии он вступил в знаменитый спор с Бём-Баверком о норме процента (см.: *Schumpeter J. A., Eine «dynamische» Theorie des kapitalzinses: Eine Entgeg-nung/Zeitschrift fur Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung, 1913. Bd. 22. S. 599-639*); он произносил одну из трех поздравительных речей на праздновании семидесятилетия Визера в 1921 году.

Хотя Шумпетер высоко ценил работу австрийской школы, в традиции которой получил образование, еще больше его интересовала другая школа, развившая теорию предельной полезности, — лозаннская школа, объединившаяся вокруг трудов Вальраса. В некотором смысле настоящим основателем этой школы был Парето, блестящий ученик Вальраса, сменивший его на посту заведующего кафедрой политической экономии в Лозаннском университете. До недавнего времени американские и английские экономисты считали труды этой школы слишком «математическими» и слишком «теоретическими», кроме того, они считали трудоемким и, возможно, нестоящим занятием чтение экономистов, писавших на иностранных языках. Однако лозаннская школа довольно рано приобрела двух первоклассных поклонников-американцев в лице Ирвинга Фишера и Генри Л. Мура. Три из десяти эссе в этой книге посвящены Вальрасу, Парето и Фишеру. В эссе о Парето (см. прим. * на с-178) Шумпетер описывает встречу, во время которой они обсуждали разных экономистов, и Парето с жаром хвалил Ирвинга Фишера: "Для меня было полной неожиданностью услышать его [Парето] горячую похвалу „Капиталу и доходу" [Фишера]».

\012\

Защитив диплом в Вене в 1906 году, Шумпетер на несколько месяцев отправился в Англию. Там он отдал дань уважения некоторым английским экономистам и в 1907 году познакомился с Маршаллом. Это знакомство кратко описано в рецензии к Кейн-совой книге «*Essays in Biography*», которую Шумпетер написал для журнала *Economic Journal* за декабрь 1933 года. Комментируя эссе Кейнса о Маршалле, он написал: «Глядя на Маршалла через стол, за которым мы завтракали у него дома в 1907 году, я сказал ему: „Профессор, после нашего разговора о моих научных планах я чувствую себя точно так, как если бы я был неосмотрительным влюбленным, намеренным вступить в безрассудный брак, а вы — благожелательным старым дядюшкой, который пытается убедить меня отказаться от этой идеи». Он ответил: «И это совершенно верно. Потому что даже если дядюшка и прав, его увещевания останутся втуне». Эссе самого Шумпетера о Маршалле показывает, как высоко он ценил работы Маршалла. После выхода эссе в журнале *American Economic Review* он получил записку от Мэри Маршалл {из Кембриджа, 19 июля 1941), в которой говорилось: «Только что принесли *American Economic-Review*, и я с большим интересом прочла Ваше эссе по случаю пятидесятилетия „Принципов" Маршалла. Я всегда знала, что Вы высоко ценили его работу, и я так рада, что Вы воспользовались этой возможностью, чтобы столь тепло и искусно выразить это отношение. Меня

особенно восхищает последний параграф эссе. Я также присоединяюсь к Вашему восхищению „Воспоминаниями об Альфреде Маршалле" Кейнса».

С американскими экономистами—Тауссигом, Фишером и Митчеллом — Шумпетер, вероятно, познакомился, когда прибыл в Соединенные Штаты в 1913-1914 учебном году в качестве австрийского профессора по обмену в Колумбийском универси-

\013\

тете. До этого он был знаком с их трудами и переписывался как минимум с Тауссигом. Сохранилось письмо, написанное ему Тауссигом из Кембриджа, что в штате Массачусетс (27 ноября 1912), в котором Тауссиг хвалит английский молодого экономиста и обсуждает поднятую им теоретическую проблему. «Я не спорю с Вашими рассуждениями; но сам я расположен подходить к этим вопросам с более реалистичной точки зрения». Далее следует несколько графиков кривой предложения, а затем Тауссиг пишет: «Применение к труду того же хода рассуждений, который применяется к капиталу и земле, а также развитие теории „трудовой ренты" меня сильно занимают; я набросал план статьи на эту тему. Вы, конечно, знаете, как пробовали рассуждать на эту тему мой друг, Дж. Б. Кларк, а также, не так давно и более аккуратно, Ирвинг Фишер. Последнее слово об этом вопросе еще не было сказано. Я не настолько нескромен, чтобы думать, что это последнее слово будет сказано мной, но я надеюсь внести свой вклад в развитие этой темы». Таким образом начавшаяся дружба продолжалась до самой смерти Тауссига в 1940 году. В сущности, свои первые годы в Гарвардском университете, с 1932-го по 1937-й, Шумпетер прожил дома у Тауссига на Скотт-стрит, 2.

Шумпетер так же восхищался Ирвингом Фишером и Уэсли Митчеллом, и тоже тепло к ним относился. С Фишером его связывало основание Эко но метрического общества. Немало добродушных шуток прозвучало, когда Шумпетер посетил несколько аскетичное заседание этого общества в Нью-Хейвене, во время которого табак, алкоголь, кофе и, насколько я помню, мясо были запрещены, так что кофе заваривался специально для «порочного» посетителя. Общение, происходившее во время таким образом проведенных в Нью-Хейвене выходных, описано профессором Жоржем-Ан-

\014\

ри Буске из Алжирского университета в статье для журнала *Revue d'Economie Politique* (1950. No. 3). Некролог Уэсли Митчелла, вошедший в эту книгу, был закончен всего за неделю или две до смерти самого Шумпетера. И Митчелл, и Шумпетер работали над теорией экономических циклов и считали, что успешное исследование этого явления капиталистического процесса требует обширнейшего анализа фактов. Шумпетер сам кропотливо отбирал данные для своего исследования, почти не прибегая к чужой помощи, потому что таков был его метод работы, но он питал громадное уважение к человеку, который сумел организовать целое Национальное бюро экономических исследований и умно и эффективно использовать его ресурсы.

С Кейнсом он познакомился только в 1927 году, хотя Кейнс к этому времени уже давно был одним из редакторов *Economic Journal*, а Шумпетер с 1920 года был его австрийским корреспондентом. По какой-то причине, объяснить которую не так просто, отношения между ними не были близкими ни в личном, ни в профессиональном плане.

Перевод эссе о Вальрасе, Менгере и Бём-Баверке оказался довольно сложным делом. Как писал Пол Суизи в предисловии к «Империализму и социальным классам», а также Хаберлер в своем эссе в *Quarterly Journal of Economics*, тексты Шумпетера, написанные на немецком языке, крайне тяжело поддаются переводу. Хаберлер написал: «Его достаточно сложный литературный стиль, который, пожалуй, лучше всего описывает слово „барочный", адекватно выражает сложное устройство его ума. Для него характерны длинные предложения, многочисленные уточнения, уточнения уточнений, использование казуистических значений слов. Эти особенности его стиля особенно ярко выражены, как и стоило ожидать, в его текстах на немецком, поскольку немецкий язык предоставляет автору

\015\

больше возможностей для использования сложных конструкций». Шумпетер знал об этом обстоятельстве, особенно в случае эссе о Бём-Баверке. Он считал, что это эссе слишком длинное и

что его нужно сократить в два раза и переписать для англоязычного читателя. Он настаивал, что без этого «невозможно» обойтись.

Эссе о Бём-Баверке было урезано примерно наполовину. Этим занимался Хаберлер и переводчик, профессор Герберт Цассенхаус, бывший ученик Шумпетера. Хочу выразить свою благодарность профессору Хаберлеру и всем трем переводчикам—Вольфгангу Штольперу, Хансу Зингеру и Герберту Цассенхаусу— за их интерес и помощь, а также Полу Суизи, который вычитывал вместе со мной все переводы и помогал сглаживать шероховатости языка и прояснять непонятные места. В некоторых местах переводов я весьма вольно обошлась с текстом — когда дословный перевод оказывался слишком сложным или непонятным. Особенно много таких мест было в эссе о Бём-Баверке. Поэтому любые недочеты в переводах— моя вина, и ответственность за них несу только я.

Остальные эссе, все написанные по-английски, приведены в этой книге в своем оригинальном виде. Они не менялись и не редактировались, не считая исправления мелких опечаток и небольших изменений, внесенных ради единообразия в таких технических деталях, как использование заглавных букв и пунктуационных знаков, а также оформление сносок.

Таконик, штат Коннектикут,

2 февраля 1951 г.

Элизабет Шумпетер

\017\

Глава 1. Карл Маркс (1818-1883)*

Марксистская доктрина

Порождения интеллекта или фантазии в большинстве случаев завершают свое существование в течение периода, который колеблется от часа послеобеденного отдыха до жизни целого поколения. Но с некоторыми этого не происходит. Они переживают упадок и вновь возвращаются, возвращаются не как неузнанные элементы культурного наследия, но в собственном индивидуальном облике, то своими особыми приметами, которые люди могут видеть и трогать. Их с полным основанием можно называть великими, никакого изъяна в этом определении, связывающем величие с жизнеспособностью, я не вижу. В этом смысле это определение, несомненно, применимо к учению Маркса. Есть еще одно преимущество в определении величия способностью к возрождению: тем самым оно перестает зависеть от нашей любви или ненависти. Нам совсем не нужно верить, что великие открытия непременно должны быть источником света или не содержать ошибок в своих основах или деталях. Напротив, мы можем считать их воплощением тьмы; мы можем признавать их в корне неверны-

---

* Впервые опубликовано: *Sikumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper Brothers Publishers. 1942. Русский перевод печатается по изданию: *Шум-петер И. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика, 1995. С. 34-102.

\018\

ми или не соглашаться с отдельными частностями. Что до Марксовой системы, то подобные отрицательные оценки и даже полное ее опровержение самой неспособностью нанести этой системе смертельный удар только свидетельствуют о ее силе.

В последние десятилетия мы стали свидетелями самого интересного возрождения Марксовой теории. В том, что великий вдохновитель социалистической идеи должен был обрести себя в Советской России, нет ничего удивительного. И чрезвычайно характерно, что в процессе происходящей здесь канонизации между истинным значением Марксовой теории, с одной стороны, и большевистской практикой и идеологией—с другой, образуется пропасть такого же масштаба, как между религией жалких галилеян и идеологией и практикой князей в церкви или средневековых военачальников.

Другое явление—возрождение марксизма в США— объяснить труднее. Этот феномен интересен тем, что вплоть до 20-х годов ни в американском рабочем движении, ни среди американских интеллектуалов не было сколько-нибудь серьезного марксистского движения. То,